

**Участник Отечественной войны 1812 года
граф Ф. И. Толстой**

Граф Федор Иванович Толстой («Американец») (1782-1846) «был человек необыкновенный, преступный и привлекательный; так о нем выразился его двоюродный племянник Лев Толстой. Он прожил бурную жизнь, нередко преступая основы общечеловеческой нравственности и уголовный кодекс. Вместе с тем он был человек храбрый, энергичный, неглупый, остроумный, образцовый для своего времени и преданный друг своих друзей». Этими словами начал биографический очерк о Толстом-Американце сын Льва Толстого Сергей Львович Толстой.

Военная служба Ф.И. Толстого условно делится на два периода. Первый из них более или менее известен. Окончив Морской кадетский корпус, он служил офицером в Преображенском полку, куда был записан с девятилетнего возраста. Послужной список Ф.И. Толстого, хранящийся в РГВИА, свидетельствует о непростых служебных перипетиях, в которые он попадал в силу особенностей своего характера. Вместе с тем в «Пашпорте», полученном им при выходе в отставку (1816 г.), есть немаловажная строка о том периоде: «К повышению аттестовался достойным»¹. В 29 лет граф Ф. Толстой по прошению «за болезнью» был уволен от службы в Преображенском полку по высочайшему приказу 12 октября 1811 г. с чином капитана.

О втором этапе его военной биографии — службе в дни Отечественной войны 1812 года — известно мало. Его послужного списка или формуляра этого периода на сегодняшний день не обнаружено. Проследить эту часть его служебного пути исследователи пока не решались, видимо, прежде всего из-за недостаточного количества сохранившихся документов, касающихся судеб числившихся в ополчении, а Ф.И. Толстой возобновил службу именно в Московском ополчении летом 1812 г.

После многих десятилетий невнимания к личности графа, который, по словам Герцена, «развил одни только буйные страсти, одни дурные наклонности»ⁱⁱ, в последние лет десять, особенно после переиздания в 1990 г. упомянутой выше биографической очерка о Толстом-Американце, написанного С.Л. Толстым, о нем вышло немало статей в журналах и газетах, ему посвящаются главы в книгах. Об интересующем нас периоде службы Ф. Толстого в них нового не сообщается, авторы варьируют фразу из биографического очерка о том, что «на войне он вернул себе чин и ордена», не вникая, очевидно, в вопрос, были ли у него ордена и была ли нужда возвращать чин. Типично свежее примечание о Ф.И. Толстом в издании «Записок» (2001 г.) его двоюродного брата художника Ф.П. Толстого: «В 1812 г. в составе Московского ополчения при Бородино был тяжело ранен, награжден орденом Георгия IV класса. Славился как дуэлянт, кутила, бретер, картежник» (С. 288). Ответа на вопрос, где и в каком чине служил тогда Ф.И. Толстой, в подобных комментариях не содержится.

Практически данные об этом человеке приходится собирать буквально по крупицам. Документальные вехи на пути этого поиска довольно редки, и неизбежна некоторая доля предположений. «Ниточки» же, извлекаемые из свидетельств и мемуаров его современников, оказываются подчас запутанными.

Вот, например, обращенные к Ф.И. Толстому застольные куплеты 1814—1815 гг., принадлежавшие, возможно, одному из друзей графа — П. Л. Вяземскому:

А вот и наш Американец!
В день славный под Бородиным
Ты храбро нес солдатский ранец
И щеголял штыком своим.
На память дня того Георгий
Украсил боевую грудь.
Средь наших мирных братских оргий
Вторым ты по Денисе будь.

Стихи сопоставимы с написанными Вяземским примерно в то же время и тем же размером — строками о Денисе Давыдове:

...На пламенной груди поэта
География приятно зретьⁱⁱⁱ.

Д.В. Давыдов, друг Ф.И. Толстого, назвавший его в воспоминаниях «замечательным по своему необыкновенному уму», писал о его участии в Бородинском сражении: «...он поступил рядовым в Московское ополчение. Находясь в этот день в числе стрелков при 26-й дивизии, он был сильно ранен в ногу»^{iv}.

Представляет интерес и свидетельство И.П. Липранди, бывшего обер-квартирмейстера, участвовавшего вместе с Толстым еще и в шведской войне 1808-1809 гг. «Накануне Бородинского сражения под вечер, находясь на строящейся центральной батарее, я услышал, что кто-то отыскивает какого-то полковника графа Толстого. Оказалось... он из любопытства пошел в цепь посмотреть французов. Его скоро отыскали; мы успели только разменяться несколькими словами... Сказав мне, где и чем он командует, он поскакал на призыв»^v. Вопрос, где и чем он командовал, надолго остался открытым.

В приложении к рапорту в Комитет по делам ополчений ко мандующего Московскою военною силою графа И.И. Моркова от 31 марта 1813 г. «Списке штаб- и обер-офицерам Московской военной силы, отличившимся в кампанию прошлого 1812 г.», читаем: «8-го пехотного полка подполковник граф Толстой. По назначении его батальонным командиром много содействовал к сформированию полка, и находясь безотлучно при оном (далее указано несколько октябрьских и ноябрьских дат сражений. - Т.А.) отличил себя мужеством»^{vi}.

В донесении Моркова от 20 января 1813 г. в Главный штаб действующих армий сообщалось о кануне Бородинского сражения: «24-го по приказанию Его Светлости 9 комплектных батальонов поступило в 1-ю и 2-ю армии». В статье С.В. Шведова «Об участии ополчений в Бородинском сражении» обосновано суждение о том, что во 2-ю армию было тогда отправлено четыре батальона: из 2-го егерского, 2-го пехотного, 8-го пехотного полков ополчения. Причем из 8-го полка было отправлено непосредственно к Багратиону 1200 человек^{vii}. Для Ф.И. Толстого оказаться с его батальоном в их числе было естественно как по состоянию укомплектованного батальона, так и по его личным устремлениям: он был храбр до отчаянности и, вероятно, был знаком Багратиону по смелым действиям в войне со Швецией в 1808—1809 гг. Ф.Толстой и Д. Давыдов, прошедшие тогда отчасти совпадающими военными дорогами, оба были представляемы Багратионом или Раевским к наградам, так как, судя по документам, оба были отмечены монаршим благоволением.

Обратим внимание на 2-й пункт донесения Моркова, где, на наш взгляд, можно увидеть объяснение того, почему в приведенном выше списке отличившихся офицеров у Ф.И. Толстого не отмечено его участие в Бородинском сражении. Имея в виду период, когда ополчение «целыми полками с офицерами было отдано в армию», Морков писал: «С тех пор не имел я ни малейшего сведения о вверенной мне Московской военной силе и не мог оно иметь по причине той, что полковые, батальонные и сотенные начальники при своих командах не находились, а были раскомандированы к разным должностям, воины же раздроблены были по полкам. Корпусные командиры, в ведомство коих они поступили, не доставляют мне никаких сведений...»^{viii}

Следует рассмотреть еще одно обстоятельство. В книге «Московское дворянство в 1812 году» (М., 1912) приведены Списки Московской военной силы (без даты). На с. 37 в полковых списках офицеров по 8-му пехотному полку Толстой не значится. Зато на с. 131 в списке офицеров 1-го егерского полка вслед за фамилиями шефа полка и полкового командира записан «подполковник гр. Толстой». Если здесь не имеется в виду однофамилец или родственник, допустимо

предположить, что в обстановке, когда не все полки имели оружие (судя по письму Моркова Барклаю от 29 августа 1812 г., с ружьями были 1-й, 2-й и 3-й егерские полки и 1-й пехотный полк), Ф.И. Толстой мог перейти в 1-й егерский полк, чтобы непосредственно участвовать в боевых действиях с оружием в руках. Первый и четвертый батальоны 1-го егерского полка прибыли из Московского ополчения в действующую армию уже 23 и 24 августа, и с майором Мацким были направлены во 2-й корпус. Вес три дивизии Моркова, следовательно и егеря, в день Бородинского сражения расположились около дер. Утица при корпусе Н. Тучкова. Когда командир 27-й пехотной дивизии генерал Неверовский повел остатки дивизии в атаку, в штыки, к ним, как писал он впоследствии, «присоединялись солдаты других дивизий — пехотинцы, егеря...»^{ix}

Недалеко от батареи Раевского стояло в обороне по Семеновскому оврагу шесть егерских полков. «Тысячи стрелков, таясь под закрытием, толпы конных, выскакивая из засады и закрытий, и колонны, идущие в откровенный бой, палили, резались и в отчаянных схватках пронимали друг друга штыками, дрались, боролись и, умирая, еще грозили друг другу»^x, — писал в воспоминаниях Ф. Глинка, проведенный на редуте большую часть дня.

В воспоминаниях дежурного штаб-офицера 6-го корпуса Болговского отмечена немалая помощь прибывшего на левый фланг 2-го корпуса. В его составе, возможно, были и батальоны 1-го егерского полка ополчения. Один из его батальонных командиров майор Майкой был представлен к награждению орденом Св. Владимира 4-й степени за участие в Бородинском сражении.

В приведенном выше Списке отличившихся (от 31 марта 1813 г.) назван и шеф 1-го егерского полка Демидов, который, командуя полком, в этом сражении, как и в прочих, «оказал примерную храбрость». Возможность «оказать храбрость» была, очевидно, и у графа Ф.И. Толстого, независимо от того, пришел ли он на редут с 1-м егерским или с 8-м пехотным полком. Командующий армией Багратион, видимо, оценил и боевые качества, и достаточное хладнокровие в бою, свойственное этому ополченскому батальонному начальнику, и отдал о нем специальное распоряжение (о чем пойдет речь несколько ниже).

Памятуя о том, что Ф.И. Толстой оказался в сражении, по воспоминаниям Д. Давыдова, в числе стрелков при 26-й дивизии, вспомним в самых общих чертах несколько исторических моментов борьбы за редут Раевского. Когда «вице-король, — как пишет Ф. Глинка, — с величайшим трудом выжил стрелков 12-й и 26-й дивизии, которые рассыпавшись по кустарникам, всемерно затрудняли шествие колонн французских», и со второй атаки дивизия была опрокинута превосходящими силами противника, А.П. Ермолов и начальник артиллерии А.И. Кутайсов, остановив войска, в контратаке отбили батарею. О последующем так было написано в представлении к награждению командира 26-й дивизии генерала И.Ф. Паскевича: «С четырьмя полками 26-й дивизии, ударив в штыки на неприятеля, атакующего наши редуты, в одно время с генералом Васильчиковым [12-я дивизия] общим ударом отразил оные и, преследуя, истребляли оного. Потом удерживал линию свою противу повторяемых атак неприятельских до истощения сил в полках»^{xi}.

В «Замечаниях на Бородинское сражение и вызванные им события» Э.Ф. Сен-При отмечено, что для русской армии потери были чувствительны «по числу офицеров, выбывших из строя, и вызванной вследствие этого, кратковременной дезорганизации большинства полков»^{xii}. В такой обстановке Багратионом было сделано распоряжение, повлекшее за собой немаловажный поворот в военной судьбе ополченного офицера Ф.И. Толстого. Сви детельствует об этом письмо командовавшего 7-м корпусом генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского дежурному генералу П.П. Коновницыну от 10 декабря 1812 г. Отметим попутно, что в эти же дни (судя по книге В.В. Жерве «Партизан-поэт Д.В. Давыдов» (СПб., 1913. С.74), Дежурный генерал Коновницын рассматривал вопрос о награждении Д.В. Давыдова и вскоре получил повеление об этом государя. Письмо Раевского — ответ Коновницыну на какой-то его запрос: «На отношение вашего превосходительства сим честь имею известить, что подполковник граф Толстой прикомандирован во

время сражения 26-го августа к командованию Ладужским пехотным полком по причине перераненных того полка шефа и других штаб-офицеров покойным главнокомандующим князем Багратионом из московского ополчения, состоящего под командою Генерал-лейтенанта графа Моркова...»^{xiii}

Еще 7 сентября 1812 г. Н.Н. Раевским был отправлен Кутузову рапорт с приложением списков лиц, достойных награды за Бородино. В рапорте говорилось: «...при отъезде своем из армии Глав нокомандующий Господин Генерал от инфантерии Князь Багратион предписал мне дабы все таковые списки отличившихся в сражениях под командованием его представить к Вашей Светлости, которые при особом рапорте представляя всепокорнейше прошу Вашей Светлости исходатайствовать Монаршее по заслугам каждому воздаяние, и не оставить без награждения». В следу ющем далее «Списке 7-го корпуса Господам штаб - и обер-офицерам, удостоивающимся за отличные подвиги во время сражения с французскими войсками бывшего при селении Бородине августа в 24-й, 25-й и 26-й дни» — строки, относящиеся к шефу полка полковнику Савоини, позволяют отчасти представить обстановку в момент его ранения: командир полка «своею храбростью ободрял подчиненных к поражению неприятеля, ворвавшегося в редут, с коего он и опрокинут, причем и ранен». (Для него испрашивалась шпага с алмазами.) Наряду с шефом Ладужского полка, в списке назван «прикомандированный к Ладужскому пехотному полку для командования оным подполковник Граф Толстой». В графе «Подвиги отличившихся» о нем сказано: «Командуя батальоном, отличною своею храбростью поощрял своих подчиненных, когда же при атаке неприятеля на наш редут ранен Ладужского полка шеф полковник Савоини, то вступая в командование полка, бросался не однократно с оным в штыки и тем содействовав в истреблении неприятельских колонн, причем ранен пулею в ногу». В графе о том, что для него испрашивается, рукой Раевского написано: «К чину»^{xiv}.

Между прочим, во время работы над романом «Война и мир» в распоряжении Л.Толстого были какие-то семейные бумаги Ф.Толстого. Его образ нашел отражение в романе, и, возможно, не случайно в одном из вариантов описания жестокой битвы при Бородине писатель отметил как характерные особенности сражения то, что «в некоторых дивизиях русских оставалось по не сколько сот человек», встречались «спутанные разных полков толпы солдат», «все команды перепутались, и капитаны начинали командовать полками»^{xv}.

В «Пашпорте» Ф.Толстого о его ранении записано: «...ранен в левую ногу пулею навывлет». Далее, как писал в «Записках» Л.П. Ермолов, «в Можайске нашли мы всех прошедшего дня раненых». И.П. Липранд вспоминал о своей тогдашней встрече с Ф.И. Толстым: «28-го, до рассвета, отправляясь из Можайска... и обгоняя бесчисленные обозы, я услышал из одного экипажа голос графа. Я подъехал к нему. Он был ранен в ногу... Я кое-как выпроводил его из ряда повозок, и мы расстались»^{xvi}. Д.В. Давыдов отмечает такой факт: «Ермолов, проезжая после сражения мимо раненых, коих везли в большом числе на подводах, услышал знакомый голос и свое имя, обернувшись, он в гуще раненых с трудом мог узнать графа Толстого, который, желая убедить его в полученной им ране, сорвал бинт с ноги, откуда струями потекла кровь. Ермолов исходатайствовал ему чин полковника»^{xvii}.

Высочайший Приказ о производстве подполковника графа Толстого в полковники датирован 13 марта 1813 г. Здесь читаем: «За отличие, оказанное в сражении, производится; прикомандированный к Ладужскому пехотному полку из Московского ополчения подполковник граф Толстой в полковники...»^{xviii} («Санкт-Петербургские ведомости». 1813 г. № 27. 4 апр. С. 288).

Ермолов, возможно, помог ускорить решение вопроса о при присвоении звания Ф.И. Толстому. Так это было или иначе, в паспорте графа Толстого так отражено это награждение: после записи о том, что он принят подполковником по армии, значится: «полковником того же года Августа 26-го». Кстати, ниже в паспорте сообщается: «1812 года в Августе месяце командовал Полтавским Пехотным полком, с коим находился в Бородинской баталии, где ранен... и за отличие

пожалован в полковники». Запись эта представляется неудивительной: в шедших за Толстым были, видимо, и солдаты из сражавшегося рядом с Ладожским Полтавского полка той же дивизии, тем более, что оба полка понесли значительные потери. Только из нижних чинов Ладожский полк потерял 411, Полтавский - 432 человека^{xix}. Раевский писал в своих записках об Отечественной войне: «Корпус мой так был рассеян, что даже по окончании битвы я едва мог собрать 700 человек»^{xx}. Очевидец сражения Ф. Глинка свидетельствовал: «Ты сячи расшиблись на единицы, и каждая кружилась, действовала, дралась! Двигались по порывам, кидались, куда призывал звук барабанов и труб»^{xxi}.

В течение 27—28 августа в Москву поступило до 23 тыс. раненых. Вечером 1 сентября медики неожиданно получили приказ о выводе раненых из Москвы, они отправлялись в сторону Рязани и Владимира, позднее были открыты госпитали на 22 тыс. чело век в Касимове и Елатье. Все эти этапы мог пройти и раненый Ф.И. Толстой.

Во время контрнаступления Кутузова Московское ополчение, по словам полководца, «помещено будучи в ряды с прочими войсками, во многих сражениях оказывало величайшую пользу»^{xxii}.

В сборнике «М.И. Кутузов» в рапорте Кутузова Александру I о состоянии в действующих армиях чинов, могущих быть в строю (от 23 сентября 1812 г.) к данным по 12-й и 26-й дивизиям при соединены данные о «прикомандированном к сему корпусу Московского ополчения 8-м казачьем пехотном полку»^{xxiii}.

В рапорте Кутузова Александру I об отличившихся в бою при Чернишне 22 сентября 1812 г. награждением отмечен один из прапорщиков 8-го казачьего пехотного полка; в упомянутом выше рапорте Моркова от 31 марта 1813 г. в перечне сражений, в которых участвовал Толстой, этот бой не назван, видимо, граф еще находился на излечении. В рапорте Моркова отмечены на боевом пути Ф.И. Толстого, при его неотлучном нахождении в 8-м полку, сражения при Тарутине, Малоярославце и Красном. В Тарутинском бою 7-й корпус входил в состав левого крыла и центра под командованием начальника авангарда Главной армии М.А. - Милорадовича. Кутузов объявил тогда благодарность «всем чинам, армию составляющим».

В сражении за Малоярославец по инициативе Ермолова авангард усилили 26-й дивизией, и «генерал-майор Паскевич с 26-ю дивизией штыками открыл себе путь по телам противоставшего неприятеля, и минуты не остановившись, перешел реку, преследуя бегущих до крайней черты города»^{xxiv}. В ночь на 13 октября на военном совете в Городне французский маршал Бессьер сказал: «...Разве не видели мы поля последней битвы, не заметили того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?»^{xxv}

4 ноября началось одно из самых крупных сражений 1812 г. под Красным. Дивизии 7-го корпуса отражали нападения Итальянского корпуса, во второй половине дня 6 ноября контратакой опрокинули французов. «В одержании этих четырехдневных побед, — писал Ф. Глинка, — много участвовали генералы Раевский и Паскевич. Храбрые их войска многие неприятельские толпы подняли на штыки»^{xxvi}.

Во всех этих боях граф Ф.И. Толстой «отличил себя мужеством», и генерал Морков представлял его к ордену Св. Владимира 4-й степени с бантом (по списку при рапорте от 31 марта 1813г.).

В повести Л.Н. Толстого «Два гусара» в образе гусара Турбина-старшего современники безошибочно узнавали Ф.И. Толстого. Писатель мог знать о его наградах из рассказов родственников. (Л. Толстой был хорошо знаком с семьей Ф.И. Толстого, особенно с его дочерью П.Ф. Перфильевой.) Видимо, следуя исторической правде, он представил своего героя награжденным медалью 1812 года и орденом Св. Владимира.

На сегодняшний день семейных документов Ф. Толстого не сохранилось (или они не обнаружены), кроме названного выше паспорта. В нем дата получения Толстым этой награды не указана, и сам факт требует дальнейшего изучения, так как здесь лишь записано: «По излечении же раны был во многих сражениях и за

отличие награжден: за штурм Горма и Гани [?] Орденом Св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с бантом». Предположительно, судя по дате представления в рапорте Моркова, это могло произойти не ранее апреля 1813 г.

В рапорте Кутузова Александру I от 21 ноября 1812 г. о дислокации частей ополчения находится одно из последних сообщений, относящихся к истории 8-го полка. Речь идет о расположении полков земского ополчения: «...по той линии, по которой будут препровождаться транспорты и пленные собственно для исполнения сих обязанностей, а именно: Московского — бригада полковника Свечина в Борисове, 8-й пеший полк в Орше»^{xxvii}

Установлено, что, к сожалению, в архивах не сохранилось полных сведений о дальнейшей судьбе воинов Московского ополчения, встречаются лишь отрывочные данные об отдельных частях за январь—апрель 1813. Из ведомости командира корпуса генерал-майора И.Ф. Паскевича М.И. Кутузову от 5 апреля 1813 г. следует, что количество московских ополченцев в 7-м корпусе к тому времени резко сократилось. В 26-й дивизии, куда их поступило 1280 человек, осталось 54 человека^{xxviii}.

Ф.И. Толстой, по паспорту, вышел в отставку в 1816 г. С роспуском Московского ополчения он, видимо, продолжал служить в регулярной армии. Документальных данных о том, где именно, пока не обнаружено. Он мог, к примеру, остаться в 26-й дивизии. Из «Описания войны Императора Александра I с Наполеоном в 1813 году» А.И. Михайловского-Данилевского из таблицы о составе «Польской» армии Беннигсена^{xxix} следует, что по данным на 15 сентября 1813 г. в правый фланг ее входила и 26-я дивизия Паскевича, имевшая в своем составе, по-прежнему, Ладожский и Полтавский полки. Они принимали участие, например, во взятии Лейпцига.

Допустима, на наш взгляд, и несколько иная версия. В 1994 г. в книге «Неизвестный Толстой в архивах России и США» было опубликовано письмо, хранящееся в Отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (Москва), от двоюродного брата Ф.И. Толстого Н.И. Толстого (будущего отца писателя) — из армии к родным в Петербург. Н.И. Толстой, который был тогда адъютантом генерала А.И. Горчакова, в предыдущем письме от 28 декабря 1812 г. сообщал семейным об остановке в Борисове, находясь у знакомого коменданта Свечина. В интересующем нас письме от 4 февраля 1813 г. есть такие строки: «Граф Федор Иванович виделся со мною недели две тому назад (в середине января. — Т.А.), а теперь я не знаю, где он находится, ибо он прикомандирован к отдельному совсем корпусу» (С. 85).

В январе 1813 г. Витгенштейн выслал на задания несколько партизанских отрядов, в том числе отряд Теттенборна, офицера, которого Ермолов в «Записках» называет «отменно храбрым и столь же способным». Отряд принимал участие в операциях под Берлином, на него было возложено и взятие Гамбурга, который был занят русскими войсками 7 марта. Ф.Толстой мог оказаться в этом отряде. Предположить причастность его к последней операции позволяют строки в его паспорте о следующей за орденом Владимира награде: «...за экспедиции при Гамбурге на острове Виленсбурге орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 класса». (Вероятно, имеется в виду остров Вильгельмсбург на Эльбе вблизи Гамбурга, несколько раз переходивший из рук в руки. В его освобождении участвовал и отряд Ф.К. Теттенборна, весной 1813 г., и Польская армия Л.Л. Беннигсена, весной 1814 г.). В заключительной части «Пашпорта» графа Ф.И.Толстого сообщается: «А сего 1816 года Марта 16 дня по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, за ранною уволен от службы с мундиром; во свидетельство чего ему сей Пашпорт дан из Инспекторского Департамента Главного Штаба в С.- Петербурге Марта 27 дня 1816 года. Подлинный подписали: Дежурный Генерал Генерал - Адъютант Закревский, Начальник Отделения военных Советник Киселев». Возможно, эти данные укажут путь дальнейшего изучения военных дорог Ф.И. Толстого.

ПРИМЕЧАНИЯ

-
- ⁱ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 13. Д. 492. Л. 2, 2 об. Копия – «Пашпорта» выяв лена в фонде Московского Дворянского депутатского собрания в Центральном историческом архиве Москвы и предоставлена для публикации директором архива Е.Г. Болдиной. Степень ценности документа в рамках данной темы обязывает автора настоящей статьи выразить по боковой благодарностью и признательностью ей, а также заместителю начальника отдела ГАРФ И.С. Тихонову за ценные консультации и члену Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года А.А. Подмазо за предоставление ряда необходимых справок.
- ⁱⁱ Цит. по: *Толстой С.Л.* Федор Толстой Американец. М., 1990. С. 29.
- ⁱⁱⁱ *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л., 1986. С.74
- ^{iv} *Давыдов Д.В.* Соч. М., 1962. С. 530
- ^v *Толстой С.Л.* Указ. соч. С. 22.
- ^{vi} Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М., 1962. С. 97.
- ^{vii} Бородинское поле: История. Культура. Экология. Можайск, 2000. Вып.2.
- ^{viii} М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. IV. Ч. 1. С. 461
- ^{ix} Герои 1812 года; Сб. биографий. М., 1987. С. 373. (ЖЗЛ).
- ^x *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М., 1985. С. 89.
- ^{xi} М.И. Кутузов... Т. IV. Ч. 1. С. 204.
- ^{xii} Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С.392.
- ^{xiii} РГВИА. Ф. 103. Оп.1/208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 264.
- ^{xiv} Там же. Л. 134, 144 об., 145 об.
- ^{xv} *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. В 90 т. М.; Л., 1928-1958. Т. 14. С. 219.
- ^{xvi} Цит. по: *Толстой С.Л.* Указ. соч. С.22-23.
- ^{xvii} *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 530.
- ^{xviii} Санкт-Петербургские ведомости. 1813. № 27. 4 апр. С. 288.
- ^{xix} См.: М.И. Кутузов... Т. IV. Ч. 1. С. 216
- ^{xx} Бородино... С. 382.
- ^{xxi} *Глинка Ф.Н.* Указ. соч. С. 97, 95.
- ^{xxii} Цит. по: Народное ополчение... С. 88.
- ^{xxiii} М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. IV. Ч. 1. С. 355-356.
- ^{xxiv} Записки А.П. Ермолова, 1798-1826. М., 1991. С. 232.
- ^{xxv} *Сегюр Ф.П.* Поход о Москву в 1812 году. М., 1911. С. 99.
- ^{xxvi} *Глинка Ф.Н.* Указ. соч. С.172.
- ^{xxvii} М.И. Кутузов. Т. IV. Ч. 2. С. 436.
- ^{xxviii} См.: Народное ополчение... С. 85.
- ^{xxix} См.: *Михайловский-Данилевский А.И.* Полн. собр. соч. СПб., 1850. Т. V. Ч. 2. С.